

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Развитие литературного процесса обусловлено не только социальными сдвигами, но, в первую очередь, сменой мировоззренческих и эстетических координат, что приводит к изменению способов художественного миромоделирования. В последней трети XX века сомнению подверглись не только каноны нормативной эстетики, но и принципы реалистического мировосприятия. На смену классической упорядоченности с четко выраженными причинно-следственными связями приходит дисгармония и необходимость отражения редукции сознания, его ассоциативности. Это ориентирует писателей на поиск новых художественных приемов и новых жанровых форм, на использование различных смысловых и культурных кодов.

Цель работы – выявить причины и результаты обращения русских и белорусских прозаиков последней трети XX века к фольклорно-мифологической образности.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повести А. Кима, Ф. Искандера, А. Рыбакова, В. Козько. Изучение прозы русских и белорусских писателей осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне, что позволило выявить общность их эстетических поисков.

Результаты и их обсуждение. В условиях советской цензуры, уже в 60-е годы XX века в контексте так называемой «молодежной прозы» зародилось явление, позже охарактеризованное как «условно-метафорическая проза». Анализируя данное стилевое явление, Г.Л. Нефагина отмечает: «Условно-метафорическое направление образуется при взаимодействии реализма и условно-сказочного, фантастического, мифологического начал» [1, с. 19]. Условно-метафорическая проза осмысливается как часть реалистической парадигмы, однако, прибегая ко вторичной художественной условности, используя гротеск, двуплановость, игровое начало, авторы в результате творческих поисков приходят к принципам художественного миромоделирования, свойственным эстетике модернизма.

Укорененность в основы национальной мифологии характерна для повестей А. Кима «Поклон одуванчику», «Луковое поле», «Лотос», «Собиратель трав», «Нефритовый пояс», «Поселок кентавров». В названных повестях появляется множество символических деталей, свидетельствующих о неразрывной взаимосвязи человека с природой. Сложный путь духовных исканий приводит героев А. Кима через одиночество и отчуждение к осознанию своего единства со всем окружающим миром и, в первую очередь, с миром природы как воплощением космических законов. Концепция духовного развития личности, воплощенная в повестях А. Кима, перекликается с идеями русского религиозно-философского космизма (в частности, с тем относительно самостоятельным течением в русском космизме, которое связано с философией всеединства В.С. Соловьева). Ее характерная особенность – идея внутреннего единства человека, природы как основных элементов гармоничного космоса и божественного начала, порождающего и поддерживающего этот органический строй бытия.

Жанру повести в целом свойственно изображение героев в переломные моменты их жизни, когда они переживают душевный кризис и претерпевают нравственное возрождение либо деградацию. А. Ким нередко в качестве такого переломного момента изображает ситуацию на пороге смерти (прощание героя с умирающей матерью в повести «Лотос», неизлечимая болезнь героев в повестях «Собиратель трав» и «Нефритовый пояс»). При этом смерть воспринимается не как трагическое окончание физического существования, а как процесс трансформации духовной сущности человека, преображения его души. Такая поэтика повестей А. Кима отсылает читателей к мифологическим представлениям об этапах жизненного пути человека, где смерть понимается как переход души на новый этап, что породило большое количество сопутствующих мотивов и образов, к которым и апеллирует в названных повестях А. Ким. Примечательно, что в повести «Лотос» мифологический тип условности сопряжен с культурологическими взглядами писателя, свойственными русскому модернизму второй половины XX века: автор утверждает, что, несмотря на скоротечность земной жизни, искусство вечно и именно оно является залогом бессмертия человеческого бытия.

Отметим, что условно-метафорическую прозу выделяют как единое стилистическое явление, однако она в эстетическом и жанровом смыслах не однородна. Во многом это определяется доминирующим типом художественной условности и доминирующим художественным приемом, которые использует автор в конкретном произведении.

К примеру, аллегория, свойственная античным басенным традициям и русским сказкам о животных, чаще всего является основой произведений, отличающихся значительной социальной заостренностью. В этом контексте следует назвать повесть-притчу А. Кима «Поселок кентавров» и социальную сказку Ф. Искандера «Кролики и удавы». В первой повести, прибегая к античной образности, А. Ким сюжетно реализует модернистский принцип двоемирия, изображая оппозицию видимого, грешного мира, населенного людьми, лошадьми, кентаврами и амазонками, и мира высшего, невидимого, где обитают всемогущие существа, вершащие суд над самоуничтожающимся суетным миром. В этой повести больше, нежели в остальных, А. Ким размышляет о социальных противоречиях современности, однако идейно-художественная концепция произведения относится, скорее, к сфере экзистенциальной: автор предупреждает о возможности духовной гибели мира, подверженного страстям.

Яркую аллгорию тоталитарного общества создает Ф. Искандер в повести «Кролики и удавы». Писатель демонстрирует механизмы действия государственной системы, основанной на репрессиях и терроре. Создавая трехуровневую иерархию: удавы – кролики – туземцы, прозаик очевидно выходит за границы сказочного типа условности. В широком смысле, Ф. Искандер изображает различные типы социального поведения, различные типы государственной психологии.

Для того чтобы реалистическое в своей основе произведение приобрело философский, метафорический подтекст, зачастую достаточно одной значимой художественной детали (или вставного элемента), которые позволяют читателю декодировать имплицитные смыслы. В повести А. Рыбакова «Не успеть» на фоне вполне реалистичного детального описания действительности первых лет перестройки возникает фантастическая деталь – у людей начинают расти крылья. При этом образ крыльев лишен своего традиционного символического значения: это не метафора счастья, любви, вдохновения. Это реакция биологической природы человека на внешнюю социальную, бытовую, культурную разруху и неустроенность. Метафорическое звучание придает повести и ее эстетическая специфика, как бы заведомо предполагающая возможность фантастического допущения в реалистическом повествовании.

В повести «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Козько осмысливает последствия аварии на Чернобыльской АЭС, а также социальные и духовные проблемы перестроечного периода. Реалистическое повествование обрамляет вставная легенда о черном аисте. История аиста, который во время земного рая научился летать, оторвался от земли, но не достиг неба, перекликается с трагическим выбором человечества, создавшего технократическую цивилизацию.

Заключение. Таким образом, использование различных типов вторичной художественной условности позволило писателям в аллегорической форме высказать отрицание тех или иных сторон социальной действительности или государственной системы в целом. Читатель, декодируя мифологические, фантастические образы, узнавал картину реального мира. Основной причиной стилистических трансформаций стала интеграция реализма с другими направлениями и активное освоение новых эстетических методов и приемов.

1. Нефагина, Г.Л. Динамика стилевых течений в русской прозе второй половины 1980–90-х годов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Г.Л. Нефагина, БГУ. – Минск, 1999. – 38 с.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРМИНОЛОГИЯ» И «ТЕРМИНОГРАФИЯ»

*В.О. Кулешова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого*

Терминология – это система терминов определенной области человеческой деятельности (науки, искусства, производства и т.д.), а также наука об этом разделе лексики. Терминологией называют также всю совокупность терминов конкретного языка.